

Окончание. Начало — на стр. 1

ПОЭТОМУ как же можно именуемых себя глобалистами объявлять врагами человечества? Все на благо человека и человечества. А утверждения про "благими намерениями вымощенные дороги в ад" к делу не пойдешь.

Точно также и доказательство искусственного происхождения ковида в американских биологических лабораториях, в отдаленности от откровенных глобалистских, — не более чем факт, позволяющий

Игорь ШИШКИН

ВРАГИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Невидимый субъект мировой политики

говорить лишь о преступной халатности США, а не о войне против человечества. "Железный довод" противников рукотворности пандемии, которые все же

вынуждены признать факт искусственного происхождения самого вируса, — она поразила миллионы американцев. Вирус опасен для всех стран и народов,

следовательно, нет субъекта, способного преднамеренно запустить пандемию (сумасшедших оставим в покое).

ВСЁ ЛОГИЧНО, но только до тех пор, пока факт искусственности коронавируса не соединяется с откровениями глобалистских. Сразу появляется субъект войны против человечества. Этот субъект идеологически и материально мотивирован. Ему по силам организовать пандемию в обход официального руководства США (достаточно посмотреть список "Стражей Совета по инклюзивному капитализму"). Пандемия отвечает его стратегическим интересам (сами сознались). Ему нет дела до судьбы американцев и даже евреев, не говоря о всех остальных народах и государствах. Обеспечить же безопасность от вируса нескольких сот и даже тысяч бенефициаров пандемии (субъекта) — не проблема.

Конечно, это не юридическое доказательство факта войны против человечества тех, кого именуют глобалистами, как и их ответственности за пандемию. На основании того, что кто-то больше всех заинтересован в убийстве и мог его совершить, суд не вынесет обвинительный приговор. Но эти основания просто обязывают следователя взять соответствующее лицо в детальный разработку, признать его главным подозреваемым.

Для нас сейчас критически важно добыть такого расследования или хотя бы открытого обсуждения темы. Если удастся снять "табу" с темы врагов человечества, через снятие "табу" с темы рукотворности ковидной пандемии, а не только рукотворности самого вируса, можно считать, поддела сделано. "Они" существуют и движутся к своей цели, пока им удастся заставить всех думать, что их нет, что всё это выдумки маркитантов, маргиналов и конспирологов. Поэтому скажем спасибо профессору Харари за чистосердечное признание.

Однако одного понимания того, что против человечества ведётся война на уничтожение, что пандемия, культ извра-

щений, инклюзивный капитализм (перечень можно продолжать) возникают не сами по себе, а являются взаимосвязанными элементами этой войны — недостаточно. Не менее важно понять и то, кто такие "они", какая сила стремится к уничтожению человечества. Без этого невозможно выработать ни эффективную стратегию, ни эффективную тактику противоборства. Казалось бы, ответ очевиден — глобалисты, ядром которых является транснациональный капитал. Соответственно, бороться надо в первую очередь на поле экономики — ликвидировать экономическую систему, позволившую транснационалам за последние полвека сосредоточить в своих руках колоссальные финансовые ресурсы и колоссальную власть, они лишатся возможности контролировать мировые финансы, а либеральный глобализм (идеология, выражающая интересы транснационального капитала) утратит монополию в сфере политики, культуры, образования и информации.

Задача сложная, но, несмотря на всю мощь транснационалов, решаемая. Только не надо обольщаться: возможное, хотя и не обязательное, ослабление транснационального капитала и связанный с ним крах идеологии либерального глобализма проблемы не решат. Её корни гораздо глубже и не сводятся ни к концентрации капитала в руках горстки транснационалов, ни к либеральному глобализму.

Комплекс избранныости, концепция избранной касты, стоящей над человечеством, которой всё позволено, ни в какой мере не являются порождением глобализации — сформировавшейся в последние полвека экономической системы с её всемогуществом транснационального капитала. Они прослеживаются на протяжении тысячелетий. Точно также и стремление "освободить" человека от Бога, Родины, нации, семьи, а в конечном итоге от самого себя — отнюдь не ноу-хау современных либералов. Достаточно вспомнить идеи, распространявшиеся в масонских ложах.

ОТВЕТ НА ВОПРОС: кто ведёт войну против человечества, кто стремится загнать его в цифровой концлагерь, дают теория Малого народа И.Р. Шафаревича и теория Антисистема Л.Н. Гумилёва. Одним из крупнейших открытий И.Р. Шафаревича и Л.Н. Гумилёва является открытие роли чувств в истории человечества, включая чувство ненависти.

Л.Н. Гумилёв, исследуя причины этнических катастроф на протяжении двух последних тысячелетий, доказал, что надежность деятельности людей (на сохранение или разрушение) определяется глубинными пластами психики — мироощущением, а не теми или иными "измами". Он ввёл в научный оборот понятие "отрицательного мироощущения", при котором главным побудительным мотивом деятельности человека оказывается ненависть к окружающему миру, стремление к его уничтожению.

Именно эту общественную силу, порождённую отрицательным мироощущением, И.Р. Шафаревич и назвал "Малым народом". "Фундаментальное свойство Малого народа, — писал он, — которое иногда пропагандируется, чтобы привлечь сторонников, а иногда скрывается, яростно отрицается, как страшная тайна всей концепции, а именно, что единственной движущей силой любого Малого народа является стремление к уничтожению и ненависть к существующей жизни".

Поэтому представители Малого народа (Антисистема) выступают в истории под любыми знаменами и лозунгами, оптимальными для реализации их базовых установок в каждый конкретный момент, и за "измы" они не держатся, легко меняя их на прямо противоположные, — "принцип стремления к уничтожению остаётся, а это главное" (Л.Н. Гумилёв).

Причины возникновения Малого народа, родовые истоки Антисистема — темы отдельного разговора. Сейчас лишь обращу внимание на то, насколько серьёзные диагнозы современному миру поставили И.Р. Шафаревич и Л.Н. Гумилёв, и И.Р. Шафаревич.

Игорь Ростиславович Шафаревич: "Идеология правящего слоя Запада, "золотых воротничков", прямо противоположна идеологии большинства народа... Правящий слой сейчас является "Малым народом", а не содержит "Малый народ" в виде своей части".

Лев Николаевич Гумилёв, завершая свой главный труд — "Этногенез и биосфера Земли", — написал: "Посвящая его великому делу охраны природной среды от антисистем".

Предупреждены — значит вооружены.

«Вавилонская блудница». Мастерская Лукаса Кранаха (1534 г.)

События на Украине и вокруг Тайваня в информационном пространстве затмили многие другие проблемы, которые, на самом деле, столь же важны для понимания мировой ситуации. Процессы, происходящие в Афганистане, относятся как раз к этим незаслуженно отодвинутым на задний план зонам, требующим особого внимания.

8 августа 2022 года бывший директор ЦРУ (2011–2012 гг.), бывший командующий силами США и НАТО в Афганистане (2010–2011 гг.) генерал Дэвид ПЕТРЕУС опубликовал в The Atlantic статью "Афганистан не должен быть объявлен таким образом".

В ней он откровенно обозначил весьма болезненные для США аспекты.

ЧЕРЕЗ ГОД после беспорядков в аэропорту Кабула итоги вывода американских войск из Афганистана стали душераздирающими и трагическими для многих афганцев и разрушительными для их страны. Падшее афганское правительство, которое привело к возвращению талибов, было до безумия несовершенным, полным разочаровывающих недостатков и во многих отношениях коррумпированным. Тем не менее оно также было союзником Америки в борьбе с исламистскими экстремистами в Афганистане и регионе, оно продвигало многие свободы, которыми мы дорожим, и хотело предоставить их многострадальному афганскому народу. Это, безусловно, было предпочтительнее того, что пришло ему на смену.

Но даже если мы признаем хорошую работу, которую мы проделали в Афганистане, и признаем жертвы, которые она повлекла за собой, мы должны также принять недостатки нашей кампании там и оценить, что мы сделали неправильно, как долго и какой ценой. В конечном счёте, если мы хотим сохранить нашу позицию лидера западного мира, мы должны понять, почему одна из наших фирменных кампаний привела к такому бесконечному разочарованию.

НАШЕЙ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ошибкой было отсутствие обязательств. По сути, мы никогда не применяли достаточного, последовательного, всеобъемлющего подхода, которого мы придерживались от администрации к администрации или даже внутри отдельных администраций.

Даже в самом начале интервенции в Афганистан, в конце 2001 года, мы не хотели создавать там крупный военный штаб. И даже после того, как мы сделали это в следующем году, мы быстро переключили внимание на Ирак. К тому времени, когда внимание и ресурсы снова были действительно посвящены Афганистану, примерно через восемь лет после первоначального вторжения, мы упустили возможность воспользоваться затянувшимся периодом относительно небольшого насилия в Афганистане, в течение которого талибы и другие повстанческие элементы перегруппировались в Пакистане, а затем в Афганистане, и в ходе которых мы могли бы добиться значительно больших успехов в развитии афганских сил и институтов, чем мы это сделали.

Отсутствие достаточной приверженности на протяжении многих лет имело неисчислимы побочные эффекты. То, что лидеры сменявшихся друг друга администраций США обеих сторон неоднократно заявляли о том, что мы хотим уйти, часто независимо от условий на местах, подрывало нашу позицию на переговорах с талибами и оказывало разрушительное воздействие на наши отношения с афганскими партнёрами, нашими союзниками по коалиции и странами региона, особенно Пакистаном. Какими бы понятными ни были публично заявленные стремления к сокращению, их негативные последствия были существенными и пагубными.

БОЛЕЕ ТОГО, окончательное мирное соглашение, достигнутое нами с талибами в 2020 году и объявленное США уйти в следующем году, которое мы заключили без участия избранного афганского правительства за столом переговоров, должно считаться одним из худших дипломатических соглашений, которые когда-либо заключались США. Мы уступили требованиям талибов, потому что это соглашение дало нам, в самом узком смысле, то, что мы хотели: определённый график нашего отъезда и обещание талибов не атаковать наши войска (что уже было довольно трудно сделать, поскольку к тому моменту американские солдаты редко бывали на передовой). Конечно, наши враги знали, что мы хотим уйти, потому что наши лидеры неоднократно выражали это желание. Зная это, талибы поняли, что взамен они не должны отдавать ничего ценного. Фактически, это помогло талибам организовать на-

оставались бы почти такими же беспособными и были бы более способны действовать независимо от нас. В частности, мы заставили афганские силы безопасности в значительной степени полагаться на предоставленные США воздушные средства, которые были технически более сложными, чем те, которые афганцы могли содержать без существенной помощи со стороны западных подрядчиков, которым также пришлось уйти после вывода наших сил. По иронии судьбы, афганцы, возможно, могли бы продолжать свою деятельность без сил США и коалиции, но они не могли обойтись без более чем 15 000 подрядчиков, которые помогали поддерживать в рабочем состоянии их воздушный флот и другие системы, предоставленные США.

В системе национальной обороны Афганистана ключевыми элементами были военно-воздушные силы и резервы командос. Афганистан — большая, очень гористая страна с ограниченной дорожной инфраструктурой, поэтому воздушные возможности были необходимы для перевозки и подкрепления и обеспечения медицинской эвакуации, экстренного пополнения запасов и непосредственной авиационной поддержки сил, сражающихся на земле. Но нам не нужно было навязывать им, в частности, вертолёты США, а вместо этого нужно было помочь им купить или обслуживать больше отремонтированных советских и российских систем, с которыми они имели опыт обслуживания и которые были гораздо проще обслуживать и поддерживать в боевой готовности. Действительно, это то, что я рекомендую продолжать предоставлять, когда я был командующим в Афганистане.

Учитывая центральную роль афганских резервов и авиасредств, необходимых для их переброски в районы, подвергшиеся нападению, крах афганских сил не должен был стать полной неожиданностью. На самом деле, я публично отметил за месяц до вывода, что опасался психологического краха афганских сил, если они узнают, что подкрепления и поддержка с воздуха не придут.

Неспособность афганцев обслуживать сложные вертолёты США, которые мы навязали им для помощи в наращивании их вооружённых сил, в небольшой степени способствовала краху этих самых вооружённых сил.

ЭТИ ДВЕ ПРОБЛЕМЫ — отсутствие стратегической решимости и неспособность выделять и должным образом распределять ресурсы — усугублял тот факт, что нам часто не хватало достаточного понимания местного и регионального контекста, с которым мы имели дело, и мы были не в состоянии справиться с некоторыми аспектами этого контекста, даже когда мы ясно понимали его.

На самых высоких уровнях, с самого начала мы обременяли Афганистан управленческими структурами и принципами, которые давали больше власти центральному правительству, чем должно было быть. Мы также упустили возможность включить примирительные процедуры для талибов в первые годы нашей интервенции. Нахождение правильного баланса между Кабулом и афганскими провинциями и районами было сложной задачей на протяжении всей афганской истории, но я чувствовал, что мы не достигли этого достаточно правильно, особенно в первые годы нашего пребывания там.

Мы также подрывали эффективность афганских лидеров на различных уровнях, обходя их, а не разделяя их полномочиями и осуществляя военные или гражданские программы, которые не пользовались их полной поддержкой либо потому, что мы им не доверяли, либо потому, что думали, что они не способны помочь. И несмотря на значительные усилия, направленные на то, чтобы избежать ошибок в наших военных операциях, мы неизбежно предпринимали действия, которые приводили к жертвам среди гражданского населения, и совершали другие ошибки, обострившие отношения с нашими афганскими партнёрами. Действительно, некоторые из наших операций трагически создали больше новых врагов, чем тех, кого мы убрали с поля боя.

Огромное значение имеет и то, что нам не удалось убедить или заставить Пакистан ликвидировать убежища на его территории, созданные талибами, сетью Хаккани, Исламским движением Узбекистана* и другими экстремистскими и повстанческими сетями, проводившими кампании и теракты в Афганистане. Мы также никогда не могли в достаточной мере разрушить или ухудшить состояние этих убежищ односторонними операциями из-за ограничений, которые ставил Пакистан на нашу деятельность.

На самом деле, когда я размышляю о бесчисленных проблемах Афганистана, понимаю, что убежища в Пакистане были самым важным и самым неприятным из множества различий между нашими войсками в Афганистане и Ираке, а также самым разрушительным аспектом. Это отличие в конечном счёте означало, что мы не смогли добиться в Афганистане того, чего мы добились в Ираке во время наступления и сразу после него.

И здесь наши публичные заявления о намерении покинуть Афганистан, вероятно, подрывали наши усилия. Пакистанцы чувствовали, что в какой-то момент США уйдут из Афганистана, независимо от того, оправдывало ли условия такие действия, и поэтому пакистанские лидеры не хотели противодействовать группам, которые, вероятно, в конечном итоге будут править, по крайней мере, частично, если не всем Афганистаном. Итак, мы снова возвращаемся к проблеме недостаточного стратегического терпения.

Существует много и других причин, по которым мы в итоге не достигли успеха в Афганистане. Были чрезмерно радужные оценки ситуации в стране на различных этапах, особенно в годы, предшествовавшие нашему окончательному уходу, что на фоне последовавшего насилия подрывало уверенность наших лидеров и граждан в нашей способности достичь поставленных целей. Было также, конечно, много неудач самого афганского правительства, некоторые из них были чрезвычайно разочаровывающими эпизодами, связанными с формированием правительства, серьёзными должностными преступлениями со стороны ближайших родственников высших руководителей правительства и политическими кризисами, вызванными ими самими, которые подрывали поддержку в Кабуле и в Вашингтоне, не говоря уже обо всём Афганистане. Наконец, имелась, казалось бы, повсеместная коррупция, которая со временем привела к тому, что многие афганцы разочаровались в обещаниях, данных их лидерами.

В конце концов, однако, три проблемы, которые я описал: отсутствие у нас стратегической решимости, наше нежелание выделять необходимые ресурсы и должным образом распределять ресурсы, которые у нас были, и наша неспособность в полной мере оценить страну и регион, в котором мы действовали, — вот что мешало добиться улучшения ситуации.

НАМ НЕОБХОДИМО извлечь уроки из того, что произошло в самой продолжительной войне Америки. Хотя мы можем по понятным причинам снова отказать от таких амбициозных начинаний, существует множество ситуаций, в которых эти уроки будут полезны. Нерегулярные боевые действия в различных формах, безусловно, не исчезли из мира... Помимо этого, один очевидный урок последних 20 лет — и последних недель, учитывая операцию по ликвидации Завахири, а также атаки "Исламского государства" в Афганистане, — должен заключаться в том, что исламистские экстремисты будут стремиться использовать неуправляемые или неадекватно управляемые пространства, и что нам нужно оказывать на них давление.

В случае с Афганистаном, к сожалению, то, что, вероятно, произойдёт, выглядит чрезвычайно ужасным, и ситуация там, скорее всего, продолжит вызывать серьёзную озабоченность у Америки. На самом деле, как минимум потребуются постоянные военные, дипломатические, разведывательные, финансовые и гуманитарные ресурсы и внимание, чтобы исламистские экстремисты не смогли восстановить убежища, а также чтобы афганцы не страдали от повсеместного голода, и чтобы беженцы из Афганистана не стали такой проблемой для наших региональных партнёров и европейских союзников, какой стали сирийские беженцы в предыдущее десятилетие. Помимо этого, нам также необходимо выполнить моральный долг перед афганцами, которых мы оставили.

Желание нескольких президентов обеих партий в США положить конец бесконечным войнам и сосредоточиться на государственном строительстве дома, а не за границей, более чем понятно, особенно для тех, кто, как я, участвовал в этих войнах и не понаслышке знает цену жертвам, связанным с ними.

Проблема в том, что неясно, закончил ли наш уход из Афганистана бесконечную войну там или даже наше участие в ней. И нечего говорить, что мы снова не втянемся. Как заметил мой коллега, посол Райан Крокер, возглавлявший наши дипломатические миссии в Ираке, Пакистане и Афганистане: "Вы можете уйти из кинотеатра, но фильм продолжает идти".

Петреус в своей статье достаточно откровенен. Но мы понимаем, что многие вещи он сознательно оставил "за скобками". В частности, то, зачем американцы оставили талибам и другим экстремистским организациям тонны новейшего оружия и боеприпасов, немалое число военных автомобилей.

Кому как не бывшему директору ЦРУ знать о том, что все перечисляемые им исламские террористические организации, которыми он пугает, созданы были при непосредственном участии самого ЦРУ. Или то, что многие нынешние члены правительства талибов, прошедшие концлагерь в Гуантанамо, были в нём завербованы тем же ЦРУ.

Так может "бегство" из Афганистана — это далеко не бегство, а сознательное оставление страны талибам и другим террористическим группам в качестве плацдарма для дестабилизации дружественных России среднеазиатских государств — членом ОДКБ? И одновременно — для прельстивия Китая в разработку недр Афганистана?

Но и у американцев нередко срывается "закон Черномырдина" — "хотели как лучше, получили как всегда". Не всё прошло так, как было спланировано в недрах ЦРУ.

И Россия, и Китай выстраивают с талибами приемлемые отношения. Поэтому Петреус и ищет точки главных просчётов.

Материал подготовлен Владимиром ОВЧИНСКИМ и Юрием ЖДАНОВЫМ

* запрещённые в РФ террористические организации

АФГАНСКИЙ ПРОВАЛ

Признания бывшего директора ЦРУ

Недавние решения "Талибана", особенно его обращение с женщинами и девочками, подтверждают траекторию режима, который, похоже, намерен вернуть Афганистан к ультраконсервативной интерпретации ислама. Он не сможет возродить афганскую экономику, которая пришла в упадок после вывода западных войск. Хотя удар в Кабуле, в результате которого был убит лидер "Аль-Каиды" Айман аз-Завахири, стал огромным достижением нашей разведки и контртеррористического сообщества, само присутствие Завахири в Кабуле продемонстрировало, что талибы по-прежнему готовы предоставить убежище исламистским экстремистам. Короточное governo, страна с населением почти 40 миллионов человек — людей, которым мы стремимся помочь в течение двух десятилетий, — обречена на будущее с репрессиями и лишениями и, вероятно, в ближайшие годы станет инкубатором исламистского экстремизма.

Факт и характер ухода Америки также позволил нашим противникам заявить, что Соединённые Штаты не являются надёжным партнёром, а вместо этого являются бывшей великой державой, находящейся в упадке. В эпоху, когда сдерживание приобретает всё большее значение, это не является тривиальным. Не является тривиальным и то, что мы оставили после себя сотни тысяч афганцев, которые разделили риск и лишения с нашими солдатами, дипломатами и работниками по развитию и чьи жизни теперь находятся в опасности вместе с жизнями членов их семей.

Так не должно было получиться. Я не просто имею в виду, что были разумные альтернативы отмене, которые не были должным образом рассмотрены, альтернативы, которые привели бы к лучшим результатам, чем то, что мы видим сегодня, — хотя они были и должны были быть.

Скорее, я имею в виду, что так быть не должно было вообще. Несмотря на самоотверженную, мужественную и профессиональную службу наших военных и гражданских специалистов, а также наших партнёров по коалиции и бесчисленных великих афганцев, мы не добились успехов в Афганистане. На самом деле, за 20 лет работы там мы снова и снова совершали серьёзные ошибки и терпели неудачу. Если бы мы избежали или исправили достаточное количество наших ошибок на этом пути, варианты нашей дальнейшей приверженности Афганистану были бы более привлекательными для сменявшихся друг друга администраций в Вашингтоне и, возможно, полностью исключили бы вывод войск. Афганистан не собирался превращаться в процветающую либеральную демократию в обозримом будущем. Но его перспективы, безусловно, были ярче, чем сегодня. Более того, в результате нашего вмешательства в 2001 году мы были обязаны продолжать помогать ему на этом пути...

...Мы были правы, когда вторглись в Афганистан. Ликвидация убежища, в котором "Аль-Каида" планировала теракты 11 сентября, была необходима для нашей национальной безопасности, а свержение "Талибана" показало нашим врагам, что мы не потеряем тех, кто предоставил убежище террористам, которые нацелились на нашу страну и убили наших соотечественников. Наши последующие усилия также доказали, что мы верили в обещания свободы и демократии и что эти ценности универсальны, как бы трудно ни было их претворение в жизнь в тени Гиндукуша.

Как часто замечал адмирал Майк Малпен, став председателем Объединённого комитета начальников штабов в 2007 году: "В Ираке мы делаем то, что должны; в Афганистане мы делаем всё, что можем". Откровенно говоря, "то, что мы можем" никогда не было достаточно. На самом деле, когда я проводил оценку ситуации в Афганистане по просьбе министра обороны Дональда Рамсфельда в сентябре 2005 года, я был поражен тем, насколько далеко от Ирака уже были усилия в Афганистане.

После того, как Барак Обама вступил в президентскую должность и тщательно изучил ситуацию в Афганистане, мы, наконец, впервые получили примерно правильные данные, хотя даже когда президент объявил о наращивании сил, он также обозначил, когда начнётся сокращение. Несмотря на это, к концу 2010 года мы, наконец, определились с правильными большими идеями и всеобъемлющей стратегией; развернули достаточное количество сил, чтобы остановить и повернуть вспять движение талибов; увеличили гражданский потенциал в дополнение к нашим военным усилиям; создали правильные организационные структуры; внесли столь необходимые коррективы в усилия по обучению афганских сил; разработали структурированную программу по передаче отдельных мятежных афганских районов под контроль правительства Афганистана; начали организованные усилия по примирению с рядовыми талибами, одновременно велась переписка с руководством талибов.

К сожалению, этот период длился меньше года. В июне 2011 года Белый дом обнародовал подробности сокращения численности войск в Афганистане. Когда стало ясно, что мы не можем нанести сокрушительный удар талибам и другим повстанческим и экстремистским группировкам, мы решили, что уход предпочтительнее, чем длительное, разочаровывающее обязательство. По сути, мы вернулись к тому, что стало нашей моделью в Афганистане: не долгосрочное государственное строительство, а постоянные поиски возможности ухода, даже несмотря на то, что национальное строительство продолжалось...

...Таким образом, когда мы признали, что не можем "выиграть" войну, мы даже не подумали серьёзно о том, что можем просто "управлять" ею. На самом деле, некоторые высокопоставленные чиновники, включая меня, предупреждали, что мы не сможем сделать в Афганистане то, что мы сделали в Ираке, — что, хотя мы можем снизить уровень насилия, мы не сможем "перевернуть" страну, как это было во время наступления в Ираке, и дать ей совершенно новое начало. Условия и контекст были слишком разными и слишком сложными.

Безусловно, для управления ситуацией требовалась бы устойчивая приверженность одной линии, которая продолжала бы разочаровывать и неизбежно была бы далеко не идеальной. Тем не менее это было бы заметно лучше, чем оставить страну и её народ на откуп "Талибану" и его повстанческим партнёрам, что сейчас стало очевидным. А из-за улучшений в использовании таких технологий, как беспилотники и высокоточные боеприпасы, а также из-за того, что силы США оставались в роли "совета, помощи и поддержки", а не на передовой, это могло бы быть устойчивым с точки зрения расходов.

ступление, в результате которого афганское правительство было свергнуто после вывода наших войск. График вывода США в разгар сезона боевых действий также был серьёзной ошибкой.

На протяжении всего нашего присутствия в Афганистане, но особенно в последние несколько лет, мы также неоднократно не могли оценить пагубные для психики афганских политических и военных лидеров и рядовых лиц последствия нашего заявленного желания уйти. В конце концов, действительно, почему они должны сотрудничать и инвестировать в решения, которые мы продвигали, если мы всё равно скоро уйдём? Учитывая, что мы не оценили эффект нашей риторики и наших действий, мы, таким образом, не смогли предвидеть, что афганские силы, которые до этого в целом сражались храбро и понесли потери на поле боя, примерно в 26 раз превышающие потери американских войск, могут пострадать.

В конце концов, результат сводился к отсутствию американского стратегического терпения, что было очевидно вплоть до наших последних моментов там — когда вместо отступления мы могли бы принять подход, который оставил бы американские войска на земле, поддерживаемые армией беспилотников и силами коалиции, уже развёрнутых там из стран, которые в целом хотели остаться, а также важных подрядчиков, необходимых для обучения и обслуживания.

По сути, с самого начала и до конца, но особенно в конце — американской приверженности не хватало.

Мы также явно отстали, когда дело дошло до использования ресурсов. Мы не только не использовали достаточно собственных возможностей в течение долгого периода времени, но также и ненадлежащим образом распределяли часть того, что у нас было, и часто не ценили или не обеспечивали то, в чём действительно нуждались наши афганские партнёры.

Как я уже отмечал ранее, нам потребовалось девять лет, чтобы, наконец, развернуть примерно тот уровень ресурсов: военных, гражданских и финансовых, — которые необходимы в Афганистане, и мы сохраняли военный компонент этих ресурсов всего восемь месяцев или около того, прежде чем начали сдавать позиции. Кроме того, иногда нам не удавалось использовать имевшиеся у нас ресурсы настолько эффективно, насколько мы могли бы, тратя деньги на решение проблем и пытаясь сделать слишком много слишком быстро. В какой-то степени это произошло потому, что мы знали, что всегда находимся на пути к уходу, и поэтому нам нужно было действовать быстро, пока у нас есть финансирование и другие необходимые ресурсы. Тем не менее всё это, несомненно, способствовало коррупции (которую мы пытались выявить и бороться с ней, хотя искоренить её было безумно трудно) и развитию неустойчивой экономики военного времени.

Мы также не всегда давали то, что было нужно или должно было быть у афганских военных. Вместо этого мы дали им то, что, по нашему мнению, им было нужно, и под давлением Конгресса США мы стремились покупать американское, даже когда американские системы, такие как наши вертолёты, были слишком сложны для эксплуатации афганцами. Если бы мы помогли афганским военным на пути приобретения менее сложного (как правило, не американского) оборудования, мы могли бы превратить их в более устойчивые боевые силы, которые